

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bix B. H. L. A. Hart and the "Open Texture" of Language // Law and Philosophy. 1991. № 10. P. 51–72.*
2. *Hart H. L. A. Positivism and the Separation of Law and Morals // Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983. P. 49–87.*
3. *Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. New York, 1994.*
4. *Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // Yale Law Journal. 1972. Vol. 81. № 5. P. 823–854.*
5. *Soames S. Vagueness and the Law // Routledge Companion to Philosophy of Law. New York, 2012. P. 95–108.*
6. *Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999.*
7. *Тауев Р. Обща теория на правото: Основни правни понятия. 4-е изд. София, 2010.*
8. *Тауев Р. Теория на тълкуването. София, 2007.*

S. E. Groysman

Sofia Saint Clement of Ohrid University (Bulgaria)

THE OPEN TEXTURE OF LEGAL PRINCIPLES

Abstract. This paper analyzes a problem of defining content of legal principles. This problem is based on some kind of contradiction: legislative formulations of the principles are laconic, but at the same time principles are the most abstract legal prescriptions, comprising a great amount of potential solutions. This requires use of socio- and ideological context of principles' origin and development in order to understand and apply them. The author proposes an explanation of these characteristics of legal principles in the context of Hart's theory of open texture of law.

Key words: legal principles, open texture, legal language, H. L. A. Hart.

В. Г. Веренич

Таллиннская юридическая школа (Эстония)

ВИЗУАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА В СИСТЕМЕ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. В данном коротком обзоре затрагиваются общие вопросы применимости аналитических методов визуальной семиотики в изучении крайне сложной системы формальных юридических доказательств. В судебном доказывании в качестве аргументов выступают юридические законы. Как известно, следствие и суд обосновывают свои аргументы, прежде

всего, на доказательственных фактах. Наблюдаемые в последнее время на фоне общего «визуального поворота» трансформация понятия «юридического доказательства» и постепенное расширение круга объектов, обладающих особым доказательственным статусом, открывают новую перспективу для использования традиционных методов визуальной семиотики. В обновленной доктрине юридического доказывания, визуальные доказательства мыслятся уже не как дополнение классического оформленного в текстовой форме доказательства, а как вполне самостоятельный конструкт с высоким доказательственным потенциалом. Это обстоятельство позволяет интерпретировать любое визуальное доказательство с использованием классических методов интерпретации текстового доказательства.

Ключевые слова: методология права, семиотика права, визуальная семиотика, визуальные доказательства, система доказывания в юриспруденции.

Перед тем, как приступить к семиотическому моделированию в области доказательств, нам необходимо изложить основные характеристики этой области правовых знаний, акцентируя сложную роль визуальных доказательств в процессуальном законодательстве, а также сложный характер соотношения визуальных и вербальных аспектов в разных типах доказательств, т. е. фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. Поэтому необходимо сказать пару слов об эпистемологии доказательств в праве, которая здесь в узком смысле понимается как область познания лежащих в основе доказательств материальных фактов.

Эпистемология юридических доказательств. Традиционно, анализ доказательств в праве может проводиться исходя из двух разных точек зрения. С **внутренней точки зрения**, анализ доказательств представляет собой *теоретическое отражение или же систематизацию* сложных (и находящихся в тесной институциональной связи) *правил доказывания* (включая всевозможные исключения и дополнения к основному правилу оценки значимости рассматриваемого доказательства). С **внешней точки зрения**, основу теории доказывания составляет теория познания (*гносеология*) доказательств, расположенных в институциональном поле правовой деятельности судов¹. В гносеологическом аспекте доказывание представляет собой познание и удостоверение тех событий и явлений внешнего мира, которые имеют значение для правильного разрешения судебного дела. С эпистемологической точки зрения, целью доказывания в праве

¹ См.: *По П. Л. A Philosophy of Evidence Law: Justice in the Search for Truth.* Oxford, 2008.

является получение достоверного знания (в узком смысле «эмпирического» знания), т. е. юридическое удостоверение фактов должно зависеть и зависит от эмпирической составляющей.

Традиция подобного эпистемологического подхода (рационалистической традиции доказывания в юриспруденции) восходит к Дж. Бентаму, который в своем знаменитом эссе о теории доказывания² впервые заявил о том, что само искусство судопроизводства есть не что иное, как искусство пользоваться доказательствами. Вместе с тем, Бентам считал, что удостоверение фактических обстоятельств одинаково важно как в деятельности судов, так и в научном исследовании — поэтому теорию юридических доказательств нельзя отдавать на откуп одним лишь адвокатам.

Действительно, в самом общем смысле, процесс установления и удостоверения фактов в судебной или правоприменительной деятельности имеет много общего с установлением фактов в научных исследованиях. Если в большинстве случаев разграничение методов научного исследования и методов практической деятельности не представляет труда, то для теории доказательств такое разграничение чревато известными трудностями. Объясняется это особенностью самой практики доказывания. Ведь само понятие доказательств, в том виде в каком оно понимается здесь, предполагает особые эпистемологические приемы, в фокусе внимания которых находится удостоверение или опровержение доказательств, заявленных разными сторонами в судебном процессе.

Озвученная Дж. Бентамом программа более широкого изучения феномена юридического доказывания послужила отправной точкой для критического изучения данной проблематики в целом. Однако разработанная Бентамом система «естественного доказывания» довольно трудна для понимания и содержит по меньшей мере две части: предметом первой части является изучение доказательства в виде «*гипотетического доказательственного предложения*», а вторая часть представляет собой серию последовательных «научных» или «аналитических» экспертиз представленных доказательств³. Предвосхищая вывод, я хотел бы отметить, что первая «гипотетичес-

² См.: *Bentham J. An Introductory View of the Rationale of Evidence for the Use of Lawyers as well as Non-Lawyer // The Works of Jeremy Bentham. London, 1810.*

³ См.: *Twining W. Theories of Evidence: Bentham and Wigmore. London, 1985.*

кая» — часть бентамовской теории доказывания преобладает в большинстве современных дискурсов доказательств.

Кроме того, внешний подход к оценке системы правил доказывания в суде зачастую требует принятия позиции стороннего наблюдателя, делая особый акцент на правилах обработки юридических доказательств (или же, скорее, процесса извлечения фактических данных из различных видов доказательств (словесных, визуальных и т. п.). В этом подходе, сторонний наблюдатель описывает систему правил доказывания (часто представленных в виде нормативного свода, ср. англо-американское *«Law of Evidence»*) как совокупность правил, регламентирующих процесс познания фактических обстоятельств рассматриваемого дела. Этот свод призван минимизировать издержки от юридических ошибок, связанных с использованием доказательств, а также с технической организацией процесса познания (расходы на проведение экспертиз, вызов экспертов и т. д.). Поэтому очень часто внешнему наблюдателю кажется, что наличие сложной системы допуска и оценки доказательств предохраняет судебную систему от вынесения неправильных вердиктов. Иными словами, в первую очередь подчеркивается защитный характер системы правил доказывания в праве, и именно по этой причине даже сейчас — спустя почти двести лет после Бентама, в теоретической юриспруденции, в отличие от научных законов, не существуют никаких четких правил подлучения достоверного «правового» знания, т. е. правил, определяющих, что же собственно можно считать «достоверным знанием» (в юридическом, а не гносеологическом смысле этого слова), а что — нет. Действительно, основной недостаток этого преобладающего внешнего подхода к теории доказательств заключается именно в том, что *научные правила/критерии сбора и оценки знаний могут оказаться и часто оказываются несовместимыми с правовыми стандартами доказывания.*

С этой точки зрения, отсутствие четких научных правил анализа доказательств представляется нелогичным, если не сказать опасным, моментом в судопроизводстве, особенно с учетом исключительно важного характера доказательств в уголовно-процессуальном праве большинства европейских юрисдикций. К примеру, во французском, немецком и бельгийском уголовном праве, вина определяется только с помощью *прямых* доказательств, в том время как чистосердечное признание вины как самостоятельное *доказательство* не принимается во внимание. Вместе с тем, в юрисдикциях *Common Law*, где правила доказывания регламентированы в гораздо большей

степени, на практике эта сложная система правил доказывания легко обходится адвокатами в суде присяжных с помощью института «*guilty plea*» (т. е. признания себе виновным). Вот почему, говоря о так называемых правовых нормах доказывания в уголовном праве, можно полностью согласиться с Полом Робертсом и Адрианом Цукерманом. По их мнению, юридически регламентированные нормы сбора и оценки силы доказательств представляют собой не столько набор скрупулезных правил, исключających или допускающих определенные факты при судебном рассмотрении дела, сколько набор методологических приемов умелого адвоката, с помощью которых он может высказывать аргументы в пользу допустимости или недопустимости рассмотрения определенных фактов, способных оказаться полезными или нанести ущерб делу клиента: «Можно было бы составить энциклопедию доказательств, содержащую сотни правил доказывания, и уж совсем бесчисленные исключения и оговорки к правилам, возникших в судебной практике англосаксонского доказательственного права. Но практическая польза от такого скрупулезного обследования будет очень минимальна... поскольку ни одно из этих правил не научит, например, как организовать различные доказательства в единое целое»⁴.

Сталкиваясь с подобной проблемой лицом к лицу, современные теоретики судебного доказывания прилагают серьезные усилия, чтобы вывести общие понятия и стандартные принципы доказывания, а также привести имеющиеся практические правила допустимости доказательств к единому системному научному изложению. Однако, принимая во внимание ограниченность большинства современных теорий доказывания, на наш взгляд, вместо создания новых таксономий юридических доказательств, целесообразнее разработать более гибкую систему научного анализа, предназначенную для изучения различных типов доказательств. Поимая всю важность подобной системы, можно предложить семиотическую теорию доказательств, значительно расширяющую современные доктрины за счет включения в научный анализ проблем доказывания *новых типов визуальных доказательств*. Поскольку правила доказывания прежде всего затрагивают вопрос допустимости доказательств, распределения бремени доказывания между сторонами и т. д., не может быть никаких сомнений в том, что семиотика способна привнести интересные идеи в общую теорию доказывания в праве.

⁴ Roberts P., Zuckermann A. Criminal Evidence. Oxford, 2010. P. 4.

В рамках короткого обзора не представляется возможным рассмотреть все шоасы давних и продолжающихся по сей день споров ведущих исследователей проблематики юридических доказательств о различиях между их юридической значимостью и эпистемологической ценностью². Вместо этого, необходимо продемонстрировать применимость методов визуальной семиотики к изучению юридических доказательств. С этой семиотической точки зрения, можно заметить, что различие юридической и эпистемологической значимости в «доказательственном праве» является всего лишь проявлением различия между двумя семиотическими функциями разных видов визуального доказывания. Базовый разрыв между этими функциями преодолевается за счет расширения самого понятия доказательств (т. е. за счет включения визуальных доказательств в качестве самостоятельного вида доказательства). Именно по этой причине семиотический способ решения проблемы радикально отличается от иных теоретических решений вопроса.

С учетом вышесказанного становится очевидным, что визуальная семиотика правовых доказательств фактически предполагает альтернативный выбор между двумя возможными подходами. **Первый подход** исходит из предпосылки, согласно которой визуальное исследование определенных типов наглядных доказательств непосредственно влияет на *вердикт* (и прочие юридические решения): подобная установка предполагает использование референциального прочтения юридических доказательств. Один из примеров данного подхода в изучении визуальных доказательств можно обнаружить в существенно упрощенной визуальной семиотике Ч. С. Пирса.

В рамках же **второго подхода** главное внимание уделяется *деконструкции* идеологических установок («предубеждений») судей, а также других юристов, в задачу которых входит оценка качества доказательства. Главным отличием этого подхода является представление о том, что субъективная предвзятость судей (юристов) в отношении определенных типов визуальных доказательств в конечном итоге влияет на юридическую приемлемость доказательств. В самом чистом виде этот подход обнаруживается в семиотическом анализе фотографий (в том числе и фотографий криминалистов), в частности в работах Р. Барга, представляющих собой дальнейшее развитие базовых положений сосюрловской семиологии.

² См. подробный разбор проблемы в книге: *Twining W. Op. cit.* P. 152–155.

Семиотические подходы к анализу юридических доказательств.

В семиотике знаковая природа фемосепов разнообразна: знаки могут быть представлены в виде словесных формул, изображений, звуков, жестов, предметов, и многих других предметов: иногда даже отсутствие определенного предмета может быть истолковано как *знак*. Поэтому утверждение о важности визуальных знаков в процессе изучения визуальных доказательств и представляется столь очевидным. В последнее время наблюдается важная тенденция расширения понятия доказательства: в частности, доказательственное право все чаще признает определенные изображения (в том числе и фотографии) в качестве *самостоятельных* доказательств — а ведь еще сравнительно недавно в классической доктрине доказательственного права эти объекты рассматривались лишь в качестве наглядного дополнения или обобщения устных показаний свидетелей, особенно в делах об убийствах. Включение новых типов визуальных доказательств было обусловлено тем, что способ восприятия, интерпретации и изучения визуальных доказательств у профессиональных юристов принципиально мало чем отличается от опыта восприятия у «обычных» людей. Уже это очевидное умозаключение дает исследователям юридической семиотики веское основание полагать, что *визуальные* свойства юридических доказательств — в отличие от чисто технических юридических свойств — становятся мгновенно понятны всем представителям одной и той же культуры, *интуитивно* знакомым с правилами универсальной визуальной грамматики цветов, форм и размеров. Очевидно, что определенные визуальные доказательства могут «говорить сами за себя», красноречиво свидетельствуя о важных (с точки зрения доказывания) фактических обстоятельствах. Кроме того, в процессуальной практике судов существует установка на включение «визуальных средств» во время судебного рассмотрения дела, главным образом потому что они иллюстрируют то, о чем свидетели говорят в своих показаниях.

Тем не менее, можно задать вопрос, действительно ли присяжные или судьи в полной мере воспринимают всю информацию, переданную адвокатами с помощью представленных визуальных средств? С одной стороны, сам факт широкого использования различных визуальных средств (экспонатов, фотографий, видеозаписей и т. д.) в судебной практике уже свидетельствует о правовом смысле, вкладываемом в визуальную информацию. Вместе с тем совершенно ясно, что визуальные доказательства способны передать вкладываемый в них смысл только тем людям, кто в состоянии его

воспринять и проинтерпретировать. Ведь никакой визуальный знак (предмет) не может служить визуальным доказательством, если только он не интерпретируется как предмет, обладающий определенными доказательственными признаками. Из этого следует, что визуальные знаки доказательственного характера не могут быть адекватно «прочитаны» без использования методов семиотики юридического доказательства. Поэтому в апалитической семиотике визуального доказательства, суть анализа сводится к определению *семиотической функции визуальных знаков, а также выяснению характера взаимодействия между этими знаками*. Другими словами, под визуальной семиотикой юридических доказательств следует понимать особый вид частной семиотической теории, изучающей семиотические знаки внутри оперативного единства поля визуального доказывания в праве.

До самого недавнего времени, общий характер теоретического апалитиза визуальных доказательств в юриспруденции преимущественно определялся различными постструктуралистскими и семиотическими методологическими установками. Наилучшим образом общая направленность подобного анализа иллюстрируется в многочисленных критических исследованиях изображений (картинок, фотографий). Авторы подобных исследований обращают исключительное внимание вплоть до игнорирования способов конструирования, манипуляции и интерпретации визуальных знаков доказательства — на содержательную сторону организации визуальных знаков в различных типах юридических доказательств, или, если быть точнее, на сам референт изображения и его идеологические коннотации. Насколько нам известно, несмотря на растущую популярность визуальной семиотики в пирсовской традиции семиотики, в большинстве из немногочисленных опытов семиотического изучения юридических доказательств, структуралистские и постструктуралистские подходы продолжают преобладать над более традиционными семиотическими подходами. Вместе с тем, я не согласен с мнением некоторых семиотиков, которые утверждают, что основное различие подходов в семиотических исследованиях юридического доказательства представляет собой дальнейшее развитие принципиальных теоретических различий между семиотикой Ч. С. Пирса и Ф. де Соссюра. Безусловно, не представляет особого труда обнаружить расхождения между двумя главными школами семиотики, а также разницу в используемых моделях и полученных с их помощью результатах; однако гораздо важнее выяснить, насколько эти различия обуславливаются разнообразием типов визуального доказательства и методов их изучения, ведь сравнение

методов может сослужить хорошую службу в синтезе различных подходов к различным типам визуального доказательства.

В этой связи очень важно подчеркнуть следующее: семиотика Пирса и сосюрровская семиология отнюдь не антагонистичны по отношению друг к другу, на самом деле, они существенно дополняют друг друга. Например, в визуальной семиотике доказательств семиотическая методология Пирса позволяет изучить *референтный* контекст визуального доказательства, в то время как сосюрровская семиотика облегчает деконструкцию этого контекста. Кроме того, следует помнить и о том, что сосюрровская семиология компенсирует «недостатки» семиотики Пирса, пусть и не столь последовательно, как этого можно было бы ожидать. Например, семиотические варианты анализа в традиции сосюрровской семиологии (например, в исследовании фотографий у Р. Барта), уменьшая или полностью устрояя референт знака, гораздо четче выявляют суть *семиотические* аспекты визуального доказательства, в то время как в реалистичной семиотике Пирса их роль преуменьшается.

Песмотря на определенные трудности при интерпретации некоторых семиотических коментов в сфере доказательственного права, можно отметить общее место во всех структуралистско-семиотических подходах, вдохновленных сосюрровской семиотикой. Таким общим местом является представление о визуальной коммуникации (в контексте юридического доказывания) как о простом процессе декодирования, в котором знаки выступают либо как денотативные, либо как коннотативные знаки визуальной коммуникации. В этих подходах, визуальное восприятие доказательств рассматривается как процесс построения смысла, чем-то напоминающий процесс понимания слов и речи. Следовательно, именно визуальный смысл играет решающую роль визуального (наглядного) убеждения в доказательном дискурсе/дискурсе аргументации, так как визуальные аргументы (рисунки, диаграммы и т. д.), как правило, согласуются с основными словесными аргументами (устными свидетельствами). И, хотя в отличие от словесных аргументов, визуальные аргументы не отражают выводы доказательства, они обозначают характер семиотических отношений между теми означающими, которые обладают значением для воспринимающего. Визуальное значение включает в себя два элемента, известных как денотат и коннотат. В классических типах визуальных доказательств, таких, как фотографии, изображение передает значение, фиксируемое цифровым или механическим воспроизведением обозначаемого объекта. Для использования всего потенциала декодирования визуальной

информации, т. е. для понимания денотативного значения изображенного объекта, нет никакой надобности в явном коде: например, фотографическое изображение огнестрельного оружия, лежащего на туалетном столике возле места преступления — это **денотативное** представление огнестрельного оружия. В то же время, коннотации всегда культурно кодированы, т. е. вторичное (коннотативное) смысловое наполнение знака добавляется к его первичному денотативному смыслу; первичный денотативный смысл знака придает ему элементы для обслуживания новых культурно-кодированных функций. Говоря простым языком, можно сказать, что производство коннотативного смысла всегда является результатом вмешательства человека⁶. Используем предыдущий пример с огнестрельным оружием для иллюстрации сути коннотативного значения: для того, чтобы использовать обнаруженное возможное орудие убийства в качестве доказательства в суде, в справочниках криминалистов рекомендуется сделать полный кадр с изображением огнестрельного оружия, а также как минимум четыре кадра, захватывающие верхнюю, две боковые и нижнюю часть огнестрельного оружия⁷. Доказательная сила изображения может быть улучшена, если криминалист-фотограф использует более подходящие углы камеры, различные фокусы, цвета, а также освещения, глубины кадра и т. д.

Обращаясь к совершенно иной, референтной, традиции семиотики Пирса, следует еще раз подчеркнуть самое важное для визуальной семиотики доказательств положение, согласно которому визуальный знак, по существу, является *представлением* (*representation*, репрезентатом) о своем референте (*внешнем объекте*), т. е. *индексом* — следом, оставленным объектом реального мира. С этой точки зрения, непререкаемым условием бытия для знаков индексов служит референтная связь. Другими словами, индексы зависят от объекта (отпечаток пальцев зависит от присутствия человека), в то время как другие типы знаков — иконические знаки (*icons*) и символы (*symbols*) могут существовать даже в том случае, когда сам объект физически не существует. В семиотике Пирса для обозначения признаков, которые относятся к таким физическим следам, используется специальный термин — *индексиримость* (*индексальность*). Подавляющее большинство визуальных доказательств входят в категорию знаков-индексов, поэтому, индексальность играет важную роль в

⁶ См.: *Tomaselli K. G. Appropriating Images the Semiotics of Visual Representation. Denmark, 1996. P. 31.*

⁷ См.: *Haag M. G., Haag, L. C. Shooting Incident Reconstruction. 2nd ed. New York, 2011.*

доказательственном дискурсе обнаружения фактов в судебной практике. На первый взгляд преимущество подобного семиотического подхода к изучению юридических доказательств могло бы как раз и состоять в подобной «исключительной приверженности» «индексальности». К сожалению, это не совсем так: интерпретация индексальных знаков не сводится к техническому процессу декодирования, а зависит от знания фактической (физической) связи между индексом и объектом.

Поскольку нам известно, несмотря на всю свою полезность, никакого систематического изложения теории *визуальных доказательств* с точки зрения семиотической типологии Пирса (за исключением нескольких работ⁸) так и не было сделано. По даже в наиболее подробном освещении соответствующих идей Пирса⁹, так и не было предложено четко обозначенного практического метода использования пирсовской модели в определенных контекстах правового дискурса (например, при поиске фактов или в судебном решении). Читателю сообщается о существовании разных типов знаков («иконические знаки», «индексы», «символы») в визуальной семиотике доказательств в праве, объясняется, каким образом они соотносятся с объектом/*интерпретантом*, и даже показывается полноценная знаковая функция, последовательно развивающаяся из стадии «иконических знаков» через стадию «индексов» к «символам». Однако в книге нет никаких явных указаний касательно способов практического применения в систематическом анализе различных видов юридических доказательств. Автор другой книги¹⁰ представил метаязык «визуальной риторики» с целью обучения студентов. Визуальная риторика представляет собой набор инструментов для *описания, анализа и интерпретации* («перевода» на профессиональный язык юристов) *смыслового содержания в изображениях, цифровых и мультимодальных «текстах»*. В книге также представлены авторские педагогические наработки, которые могут быть легко интегрированы (в виде учебного предмета) в учебный план высших юридических школ. По мнению автора, обучение искусству визуальной риторики позволит студентам понимать смыслообразующие процессы в изображениях и мультимодальных текстах, и использовать эти процессы в своих интересах.

⁸ См.: Peirce and Law: Issues in Pragmatism, Legal Realism, and Semiotics. New York, 1991; *Sherwin R.* Visualizing Law in the Age of the Digital Baroque: Arabesques & Entanglements. London, 2011; *Klinck D. R.* The Word of the Law: Approaches to Legal Discourse. Ottawa, 1992.

⁹ См.: Peirce and Law: Issues in Pragmatism, Legal Realism, and Semiotics.

¹⁰ См.: *Sherwin R.* Op. cit.

К сожалению, вышеописанная направленность текстов, остается симптоматичной практически для всех попыток использования семиотики Пирса в целях изучения правовых доказательств: анализ зачастую теоретически поверхностен и в большинстве известных мне случаев сводится к дискурсивной и/или дидактической составляющей. Именно по этой причине многие попытки теоретизирования по теме семиотического анализа визуальных доказательств в терминах пирсовской семиотики вызывают по крайней мере разочарование. Учитывая сказанное, остается лишь надеяться, что удовлетворительное описание визуальной «пирсовской» семиотики доказательств еще предстоит сделать. Подобное описание должно быть призвано дать ответ хотя бы на один из следующих вопросов:

o Какова сфера применения и характер «диаграмматического» представления правовой аргументации в юридической семиотике Пирса?

o Каким образом изучение новых типов визуальных доказательств способно улучшить наше понимание характера правовой коммуникации между полицейскими, адвокатами, судьями и клиентами?

o Какой характер, с точки зрения пирсовской семиотики, имеет взаимосвязь вербальных и визуальных типов доказательства? Каким образом визуальная семиотика может помочь в изучении и оценке судебных доказательств?

o Может ли визуальная семиотика предоставить новые приемы изучения новых типов визуальных доказательств?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bentham J.* An Introductionary View of the Rationale of Evidence for the Use of Lawyers as well as Non-Lawyers // *The Works of Jeremy Bentham* / J. Mill (ed.). London, 1810.

2. *Haag M. G., Haag L. C.* Shooting Incident Reconstruction. 2nd ed. New York, 2011.

3. *Ho H. L.* A Philosophy of Evidence Law: Justice in the Search for Truth. Oxford, 2008.

4. *Peirce and Law: Issues in Pragmatism, Legal Realism, and Semiotics* / Kevelson R (ed.). New York, 1991.

5. *Klinck D. R.* The Word of the Law: Approaches to Legal Discourse. Ottawa, 1992.

6. *Roberts P., Zuckermann A.* Criminal Evidence. Oxford, 2010.

7. *Sherwin R.* Visualizing Law in the Age of the Digital Baroque: Arabesques & Entanglements. London, 2011.

8. *Tomaselli K. G.* Appropriating Images the Semiotics of Visual Representation. Denmark, 1996.

9. *Teining W.* Theories of Evidence: Bentham and Wigmore. London, 1985.

VISUAL SEMIOTICS IN THE SYSTEM OF THEORY OF LEGAL PROOF

Abstract. This short review addresses general questions of applicability of analytical methods of visual semiotics in exploring a highly complex system of formal legal evidences. In judicial proof process arguments are represented by legal laws. As it's known, investigation and court base their arguments primarily on evidentiary facts. Against the background of the general "visual turn" recently observed transformation of a concept of "legal evidence" and gradual expansion of a range of objects with a special evidentiary status open a new perspective for a use of traditional methods of visual semiotics. In such updated doctrine of legal proof, visual evidences are thought of not as an addition to a classical evidence furnished in a text form, but as an independent construct with a high evidentiary potential. This allows to interpret any visual proof using classical techniques of interpretation of textual evidence.

Key words: methodology of law, semiotics of law, visual semiotics, visual evidences, system of proof in jurisprudence.

C. В. Ку克林

*Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)*

А. А. Соловьева

*Южно-Уральского государственного университета
(Национальный исследовательский университет)*

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КРУГ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ: ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье обсуждается проблема соотношения закона и явления с точки зрения юридической герменевтики. Анализируется возможность более широкого применения герменевтического круга как основного метода юридической герменевтики, в частности, в процессе правоприменения.

Ключевые слова: юридическая герменевтика, герменевтический круг, правоприменение, правовое мышление, методология права.

«Методы должны применяться» — эта простая максима в науке теории государства и права имеет примерно то же значение, что и «*pacta sunt servanda*» в международном праве. Необходимость осоз-